

Лассаль Фердинанд

Сочинения Фердинанда Лассаля

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф43

Ф43 **Фердинанд Л.**
Сочинения Фердинанда Лассаля: Том 3 / Лассаль Фердинанд – М.: Книга по Требованию,
2025. – 427 с.

ISBN 978-5-519-92534-1

ISBN 978-5-519-92534-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОЧИНЕНІЯ
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Съ приложеніемъ портрета и автографа Ф. Лассаля.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

З.-ПЕТЕРБУРГЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
1) Философія Фихте и значеніе нѣмецкаго народнаго духа	5
2) Господинъ Бастіа-Шульце Деличъ, Экономическій Юліанъ, или Капиталъ и Трудъ	38
Предпеловіе	38
Введеніе	41
Глава первая: „I. Трудъ“	44
Глава вторая: „II. Капиталъ“	88
Глава третья: „III. Объѣмъ, цѣнность и свободная конкуренція„.	129
Глава четвертая: Объективный анализъ капитала. Производительныя ассоціаціи	157
Заключеніе	208
Послѣсловіе	217
Возраженіе „Крестовой Газетѣ“ на рецензію книги „Бастіа-Шульце Деличъ“	227
3) Готхольдъ Эфраимъ Лессингъ	237
4) Система приобрѣтенныхъ правъ (въ изложеніи и извлеченіяхъ Эд. Вернштейна)	261
Вступительныя замѣчанія Эд. Вернштейна	261
I. Изъ предисловія	268
II. Изъ вступленія	274
III. Изъ отдѣла: Понятіе и его анализъ.	282
IV. Изъ отдѣла: Понятіе и его объѣмъ	293
V. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе.	309

	стр.
VI. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе. Продолженіе	313
1) Теорія вознагражденія .	321
2) Философско-историческая программа Лассалля . .	338
VII. Изъ отдѣла: Понятіе и его развитіе. Окончаніе	352
VIII. Изъ „Приложеній“.	372
Право, какъ простой продуктъ революціонныхъ вы- ступленій народа .	381
IX. Сущность римскаго и германскаго наследственнаго права въ историко-философскомъ развитіи	399

„Капиталъ и Трудъ“ переведенъ М. А. Энгельгардомъ,
всѣ остальные статьи С. Д. Львовымъ.

ФИЛОСОФІЯ ФИХТЕ И ЗНАЧЕНІЕ НѢ- МЕЦКАГО НАРОДНАГО ДУХА.

Юбилейная рѣчь, произнесенная Фердинандомъ Лассалемъ 19 мая 1862 г. въ честь Фихте на празднествѣ, устроенномъ Философскимъ Обществомъ и Научно-художественнымъ Союзомъ въ залѣ Ариина.

Глубокоуважаемое Собраніе!

Со стороны комитета этого общества мнѣ было предложено на сегодняшнемъ празднествѣ, на которое мы собрались для того, чтобы почтить рожденіе и дѣятельность одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ гениевъ, произнести юбилейную рѣчь въ память Фихте.

На задачу это можно, повидимому, взглянуть съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Если имѣть въ виду высокую и блестящую ученость собранія, къ которому я имѣю честь обращаться со своею рѣчью, — то, повидимому, мнѣ необходимо войти въ самую точную, строго-научную оцѣнку всѣхъ отдѣльных твореній и достоинствъ Фихте.

Но если при этомъ имѣть въ виду то короткое время, которымъ я могу располагать даже при условіи самой строгой сжатости въ построеніи своей рѣчи, то задача моя сразу же осложняется. Въ самомъ дѣлѣ — вѣдь теперь въ интересахъ этой неизбежной относительно краткости задача моя ставится такимъ образомъ: сохраняя въ изложеніи самую строгую научность, даже до нѣкоторой степени ее усиливая, намъ необходимо обнажить тотъ глубочайшій внутренній корень, проявить (передъ нами) тотъ какъ бы духъ самого духа, который является общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ отдѣльных твореній и достоинствъ Фихте; необходимо эти творенія и достоинства рассмотреть не въ ихъ многообразіи и разпо-

сторонности, не со стороны богатства ихъ содержанія — съ этой стороны ихъ нужно, конечно, предполагать извѣстными собранію и безъ моихъ усилій—нѣтъ, задача моя ставится именно такимъ образомъ, чтобы все богатство этихъ отдѣльныхъ проявленій свести къ тому единому, въ глубинѣ ихъ лежащему началу, которое и проявляется въ нихъ, какъ ихъ внутреннее дѣятельное начало.

Такъ опредѣлилась пока наша задача подъ давленіемъ чисто внѣшнихъ соображеній—необходимости сообразоваться съ краткостью времени.

Но мы немедленно приходимъ къ тому же самому результату, какъ только подумаемъ о внутреннемъ требованіи, которое ставитъ предъ нами празднество: чтобы быть достойнымъ и отвѣчающимъ своей цѣли празднествомъ, оно должно соответствовать своему объекту, т. е. духу Фихте, оно должно его образъ вызвать предъ нашими глазами. Духъ самого Фихте долженъ сегодня витать надъ нами. И онъ долженъ не только войти въ это залу,—но, если только хватитъ у меня на это силы, онъ долженъ проникнуть въ ваши мысли и овладѣть всей вашей личностью. И эта цѣль позволяетъ исключить изъ сферы нашего разсмотрѣнія не только жизнь Фихте и все, подвластное въ немъ закону времени, но даже и онѣмъ всѣхъ его отдѣльныхъ научныхъ твореній, какъ таковыхъ, хотя и эти творенія съ полнымъ правомъ должны быть названы, какъ неподвластные времени, безсмертными. Въдѣ съ теоретическими твореніями духа дѣло обстоитъ совершенно также, какъ и съ общей совокупностью практическихъ дѣланій, изъ которыхъ складается жизнь въ ея цѣлостъ. Чрезъ всю безконечную цѣпь ея отдѣльныхъ переживаній проходитъ одинъ, молчаливо, неслышно царящій въ глубинѣ ихъ, законъ, себя проявляя въ этихъ размахѣхъ и сокровеніяхъ духа; но ни въ одномъ изъ нихъ, ни даже во всей ихъ внѣшней совокупности онъ не открывается, какъ законъ, въ своей простотѣ и единствѣ, въ своей внутренней сущности. Даже въ ихъ внутренней цѣлостности только чувствуется дѣйствіе этого закона, выплывшее въ многосложности этихъ вибрацій духа. Но одно дѣло — созерцать или внутренне чувствовать всю эту послѣдовательно вздымающуюся предъ нами волну вибрацій и звуковъ,—и совсѣмъ другое—мысленно охватить ее разумомъ въ ея внутренней простотѣ и единствѣ, изъ котораго она развертывается передъ нами съ внутренней необходимостью.

И внутри сферы неподвластныхъ времени проявленій духа это единство образуетъ новую сферу, неподвластную времени въ еще болѣе высокомъ значеніи этого слова,—и только, устремляя наше вниманіе на этотъ законъ, — глубочайшій родникъ духовнаго творчества Фихте, на духъ его

духа, какъ я выражался раньше,—только въ этомъ случаѣ мы и можемъ вознести наше празднество на высоту, достойную Фихте, и возсоздать предъ собой его образъ во всей простотѣ, единствѣ и внутренней сущности его духа.

Однако, повидному, снова совѣмъ въ другомъ видѣ должна намъ представиться наша задача, когда мы вспомнимъ, что здѣсь собрались люди всевозможныхъ спеціальныхъ профессій,—въ этомъ наглядно сказался тотъ фактъ, что мы сошлись сюда нынче отнюдь не на простой философскій вечеръ, интересный однимъ специалистамъ-ученымъ,—но на празднество, касающееся всей націи. И, навѣрное, всѣ вы пришли сюда, уже чувствуя въ душѣ, что намъ предстоитъ здѣсь провести знаменательный для общаго развитія націи день, что мы совершаемъ здѣсь національное торжество, а потому должны отпраздновать его подобающимъ образомъ. И, однако, милостивые государи, встаетъ вопросъ—при всей строгой научности, присущей твореніямъ этого великаго человѣка, при всей его философской глубинѣ, недоступной пониманію націи, въ цѣломъ,—можетъ-ли существовать различіе между празднествомъ, имѣющимъ чисто-научный характеръ, посвященномъ памяти философа Фихте, и празднествомъ, имѣющимъ національное значеніе, понимаемомъ, какъ національное празднество?

Что дѣлаетъ человѣка великимъ человекомъ? Только одно: когда онъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, концентрируетъ духъ той націи, къ которой онъ самъ принадлежитъ, и путемъ такого концентрированія содѣйствуетъ наиболѣе чистому его проявленію и дальнѣйшему его развитію; т. е. когда самый національный духъ, воплотившись въ какую-либо опредѣленную индивидуальность, наиболѣе ясно раскрывается въ ней, въ этомъ человѣкѣ свое содержаніе, дѣйтельно въ немъ проявляется. Поэтому нація не можетъ иначе прославлять память великаго человѣка, какъ прославляя въ его лицѣ свой собственный національный гений, его видимое воплощеніе, опорный этапъ его дальнѣйшаго развитія, который національный духъ нашелъ для себя въ лицѣ этого своего представителя. Такимъ образомъ, всякое чествованіе великаго человѣка, сознательно или безсознательно, сводится всегда къ самопрославленію національнаго духа со стороны этой націи.

Да, милостивые государи, это есть мысль, самымъ строгимъ образомъ согласующаяся съ духомъ самого Фихте, мысль о томъ, что нація вообще не можетъ чествовать ничего другого, кромѣ своего собственного духа! Все другое нація можетъ только чествовать лишь внѣшнимъ образомъ, создавая для этого внѣшнія установленія, устраивая празднества, произнося рѣчи. Но дѣйствительнымъ чествованіемъ, какъ и при всякомъ актѣ культа,

можетъ быть только самопрославленіе общественнаго духа этого народа.— Сознательное національное празднованіе можетъ поэтому состоять лишь въ томъ, что нація выискиваетъ для себя, въ какой именно степени она можетъ назвать своимъ тотъ духъ, который, воплотившись въ общечеловѣческомъ духѣ данной индивидуальности, породилъ все эти духовныя богатства, и на какую высшую ступень своего развитія она поднялась въ лицѣ этого своего представителя. Но поскольку нація отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, въ какой именно степени ея духъ претворился въ то дѣйтельное начало, которое лежитъ въ глубинѣ духа данной индивидуальности, въ тотъ внутренний законъ, печатью котораго отмѣчены все ея творенія,—постольку одновременно выполняется то самое требованіе, которое мы раньше признали основнымъ условіемъ, придающимъ нашему празднеству характеръ, единственно достойный духа Фихте,—а именно то, что мы теперь собираемся судить о Фихте не по отдѣльнымъ его твореніямъ, но по тому основному закону, который ихъ порождаетъ, и такимъ путемъ вскрыть предъ собою духъ его духа.—Такимъ образомъ, національное празднованіе въ своей высшей сознательной формѣ является истиннымъ синтезомъ, высшей формою соединенія спеціально-научнаго и вульгарно или безсознательно-національнаго празднованія. Со всехъ точекъ зрѣнія оправдывается то пониманіе задачи нашего празднества, которое у насъ сложилось, какъ единственно-правильное.

Въ формальномъ понятіи празднованія сталкиваются и объединяются два представленія: покой и дѣятельность. Празднованіе чего бы то ни было есть покой; необходимо успокоиться отъ всехъ занятій и стремленій повседневной жизни. Но празднованіе есть въ то же самое время и дѣятельность, оно включаетъ въ себя и это понятіе, и безъ какой-либо формы дѣятельности, определяемой ближе самимъ объектомъ празднованія, самое празднованіе было бы просто невысказуемо. Что касается національнаго празднованія, то здѣсь оба понятія, какъ покой, такъ и дѣятельность, ближе опредѣляются самимъ понятіемъ національнаго.—Въ нашей повседневной дѣятельности національная жизнь внутри насъ постигается въ процессѣ своего торопливаго вѣчнаго теченія. Даже ученый, даже мыслитель,—и тѣ погружены въ единичное, имъ захвачены и ни въ комъ случаѣ не въ силахъ въ процессѣ своей дѣятельности длительно держать свое вниманіе устремленнымъ на тотъ національный принципъ, который въ нихъ самихъ дѣятельно проявляется. Волѣе того—полное погруженіе въ это единичное есть основное условіе всякой дѣятельности. Этотъ вѣчно рвущійся впередъ потокъ національной жизни долженъ въ празднованіи,—въ силу

требуемаго послѣднимъ покоя,—находить себя пріостановку. Но въ силу того дѣятельнаго пачала, которое лежитъ въ понятіи всякаго празднованія, этотъ покой національной жизни долженъ одновременно быть ея дѣятельнымъ проявленіемъ внутри насъ,—и притомъ такъ, чтобы оба эти пачала, покой и дѣятельность, ни по времени, ни по субъекту, въ которыхъ они проявляются, не расходились другъ съ другомъ, но неразрывно и внутри одного и того же субъекта этотъ покой заключался въ дѣятельности, а эта дѣятельность заключалась въ покоѣ. И слѣдовательно, потокъ національной жизни, приходя на моментъ, какъ я уже сказалъ, въ состояніе покоя, долженъ въ это же самое время внутри насъ продолжаться другою дѣятельной полной національной жизни,—и эта дѣятельная волна должна заключаться въ томъ самомъ покоѣ, которымъ прерывается истинное теченіе этого потока. Разрѣшеніе этого противорѣчія заключается какъ разъ въ томъ актѣ самопознанія національной жизни, который осуществляется путемъ устремленія вниманія внутрь насъ самихъ и назадъ; и въ этомъ актѣ мы, пользуясь покоемъ отъ вѣчнаго напряженія національной жизни, путемъ самоуглубленія приходимъ къ познанію ея развитія и постигаемъ законъ, въ ней царящій.

Это познаніе нѣмецкаго духа актомъ самопознанія, познаніе того, съ какой необходимостью установленный самимъ же Фихте принципъ порождаетъ самого Фихте, какой высшей ступени достигаетъ въ немъ этотъ принципъ, какую почву онъ въ немъ находитъ для своего дальнѣйшаго развитія, и какимъ образомъ духъ Фихте, воплощаемый въ этомъ принципѣ, продолжаетъ и до сихъ поръ, неподвластный закону смерти, жить внутри насъ, это самопознаніе, объединяя въ себѣ всѣ три требованія, выставлемыя раньше по отношенію къ нашему празднеству,—чтобы оно было достойнымъ Фихте, чтобы оно было національнымъ празднествомъ, чтобы оно, наконецъ, соответствовало идеѣ празднованія вообще,—и составляетъ такимъ образомъ нашу необходимую задачу въ сегодняшнемъ празднествѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ нашу задачу, мы ей дали отнюдь не произвольное истолкованіе, которое могло бы быть замѣнено тѣмъ или инымъ новымъ. Именно эта задача опредѣлилась для насъ, какъ безусловно необходимая задача сегодняшняго дня, и нельзя было выставить иной задачи, кромѣ той, которую мы только-что выставили.

Если я съ такою обстоятельностью остановился на опредѣленіи того, какъ необходимо понимать стоящую предъ нами задачу, то случилось это не только потому, что въ опредѣленіи задачи, производимомъ со всею

тнительностью и внутренней принудительностью, уже заключается всегда на половину ее разрушение; случилось это также и не потому, что вообще отличительной особенностью всякого философского мышления является какъ разъ правило—не хвататься торопливо за разрушеніе задачи, но начинать всегда съ ее изслѣдованія и опредѣленія и уже потомъ, исходя изъ этого опредѣленія, съ необходимостью идти къ ее разрушенію,—произошло это главнымъ образомъ и особенно для того, чтобы войти въ сферу собственнаго духа самого Фихте. И наивѣрное, отъ вниманія столь просвѣщенныхъ лицъ, какъ здѣсь присутствующіе, давно уже не укрылось то обстоятельство, что это только что завершенное изслѣдованіе задачи является ничѣмъ инымъ, какъ достаточно точнымъ воспроизведеніемъ того метода, которымъ руководствовалось собственное мышленіе Фихте, повтореніемъ той глубокой обстоятельности, съ которой оно производило свою работу, передъ каждымъ шагомъ впередъ подвергая изслѣдованію самый принципъ своего поступательнаго движенія. А въ сегодняшний день намъ, милостивые государи, подобасть облечься въ его одежды, украсить его цѣтани. Если мы бросимъ теперь взглядъ на характерныя черты того положенія вещей, которое имѣло мѣсто въ срединѣ прошлаго столѣтія, то оно, будучи одинаковымъ и для Германіи, и для Франціи, представляется слѣдующимъ.

На лицо существуетъ дѣйствительность, которая, вмѣсто того, чтобы быть настоящимъ въ философскомъ значеніи этого слова, т. е. порожденіемъ и живымъ дѣйтельнымъ проявленіемъ всеобщаго самосознанія, представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ окаменѣлый продуктъ минувшихъ столѣтій. Унаслѣдованными, во тьмѣ вѣковъ сложившимися формы и догмы царятъ во всѣхъ сферахъ общественнаго духа; въ государствѣ, религіи, искусствѣ и гражданской жизни онѣ играютъ роль единственныхъ авторитетныхъ нормъ, которымъ вынуждено подчиняться самосознаніе, несмотря на то, что оно встрѣчаетъ въ нихъ абсолютно чуждую для себя сферу. Было бы заблужденіемъ думать, что философія обладаетъ какой-то привилегіей и способна ускользнуть отъ такого общаго состоянія пароднаго духа. Если-бы она обладала такой привилегіей, то она сама должна была бы быть чѣмъ-то, стоящимъ внѣ сферы духа, чѣмъ-то недуховнымъ, вмѣсто того, чтобы выражать въ себѣ глубочайшую сущность каждой эпохи, являться высшимъ духовнымъ выраженіемъ.

И мы видимъ, что философія той эпохи воистинѣ отражаетъ охарактеризованное выше состояніе въ эмпиризмѣ, философіи опыта, которая проникла въ Германію главнымъ образомъ изъ Англіи при помощи Локка.